

ГЛАВА XXX

— Бай Фэн... тот малец из шатра военного советника! — Сунь Бин, казалось, наконец пришёл в себя. Он судорожно выдохнул, и слова посыпались из него пулемётной очередью: — В тот день... я на учениях жилу потянул, пошёл к военному врачу Цюю за мазью. А его в лагере не было, ушёл собирать травы. Там только этот Бай Фэн и остался...

— И он пообещал, что сам принесёт тебе лекарство, как только врач вернётся? — Ли Цюань договорил за него.

Сунь Бин закивал так часто, что едва не свернул шею.

— Ну да! Я же ему верил! Боялся ещё, что его за лазутчика примут, если он без дела бродить будет, и в итоге...

— И в итоге ты выдал ему пароль. — Ли Цюань закончил фразу, не сводя глаз с раскрасневшегося, искажённого запоздалым раскаянием лица парня. Он медленно разжал пальцы и тихо добавил: — Сунь Бин, разглашение пароля личной гвардии — это смертный приговор.

— Нет! Учитель! Вы должны мне помочь! — Парень в ужасе вцепился в Ли Цюаня, как утопающий в единственную соломинку. — Я же не нарочно! К тому же он человек советника! Какой из него шпион? Ведь так, учитель? Скажите, что я прав! Ну же!

Ли Цюань молчал. Перед глазами стоял тот самый юноша в белоснежных одеждах — утончённый, вечно улыбающийся прихвостень заезжего щёголя. У этого мальчишки было сердце с двойным дном. Он как-то сказал ему с едва уловимой грустью: «Наверное, в душе у каждого человека есть кость, которая однажды ломается...»

Ли Цюань закрыл глаза и, подставив лицо холодному ветру, тяжело вздохнул:

— Бай Фэн, Бай Фэн... всё-таки это ты.

— Точно! Я... я пойду к генералу! Скажу, что Бай Фэн — шпион! Если я его разоблачу, генерал меня помилует, ведь так? Обязательно помилует!

Сунь Бин был ещё совсем ребёнком. В голосе его, сорвавшемся на крик, сквозила наивная, детская надежда.

— Возможно... — прошептал Ли Цюань.

Сунь Бин просиял.

— Тогда я прямо сейчас к генералу! — С этими словами он развернулся и припустил к главному шатру.

В глубине лагеря догорал сигнальный огонь, у входа трещали костры караульных. Сунь Бин бежал, веря: стоит только выдать правду, и впереди снова замаячит блестящее будущее. Слава, почёт, возвращение домой в расшитых одеждах... Всё это ждёт его там, за поворотом. Ничего не изменится. Всё будет как прежде.

Хруст.

Звук лезвия, входящего в плоть, напомнил треск разрываемого шелка. Сунь Бин замер. Он недоумённо уставился на острое клинка, вышедшее из его груди, а затем машинально коснулся пустого пояса, где секунду назад висел меч.

Он обернулся. Перед ним стоял человек с лицом, сожжённым солнцем до черноты. Смешная круглая голова, нелепая стрижка клочьями...

Только вот глупая, бесхитростная улыбка исчезла. Лицо застыло, превратившись в ледяную маску. Взгляд, прежде ясный и прозрачный, в холодном лунном свете отливал сталью. В нём не осталось ничего человеческого — лишь хищная, неумолимая жажда убийства.

Так смотрит ночной охотник. Так смотрит «Еняо» — ночная сова, почуявшая кровь.

Сунь Бин заворожённо смотрел на него широко раскрытыми глазами, в которых застыло непонимание. Серебряная луна отражалась в кровавом тумане, застилавшем его взор. И в последние мгновения ему почудилось, будто он и впрямь возвращается в родную деревню — в алом халате первого лауреата государственных экзаменов, под радостные крики толпы...

Столица Великой Цзинь. Резиденция премьер-министра

Осень уже вступила в свои права, и ночной холод пробирал до костей. За воротами прокричал ночной сторож. В кабинете, освещённом дрожащим пламенем свечи, немолодой мужчина с проседью на висках, набросив на плечи верхнюю одежду, сосредоточенно писал.

Его пальцы, бледные и тонкие, замерли, когда по комнате разнёсся сухой, надрывный кашель.

Дверь тихо скрипнула. В комнату вошёл мужчина в белом шелковом халате с чашей дымящегося отвара.

— Господин премьер-министр, — со вздохом произнёс он, — вы снова засиделись над бумагами

до рассвета?

Цзян Динхэн поднял голову. Ему было около сорока. Глубокие морщины в уголках глаз, похожих на застывшую осеннюю росу, ничуть не портили его облика. В каждом движении, в спокойном взгляде читалась та редкая статья, которую называют «благородством чистого нефрита».

— Государь ещё мал, — с виноватой улыбкой ответил он. — Разделять его бремя — мой долг.

Цзян Сяо, в чьём взгляде сквозила затаённая опасная сила, лишь горько усмехнулся. Он молча дождался, пока его вечно занятой господин до последней капли выпьет горькое лекарство.

Когда Цзян Динхэн снова потянулся к кисти, Цзян Сяо глубоко вздохнул. Его голос прозвучал чисто, но холодно:

— Пришло донесение с фронта. Бай Фэн на грани провала.

Рука с кистью замерла. Регент Великой Цзинь, родной дядя императора, нахмурился и тяжело посмотрел на подчинённого:

— Цзян Сяо, сведения точны?

— Разве я когда-нибудь лгал вам, господин? — Тень усмешки скользнула по лицу Цзян Сяо. — Несколько дней назад к Западным варварам подослали лазутчиков, чтобы забрать голову Фань Ло, но их взяли живыми. Боюсь, Бай Фэн теперь бесполезен.

Цзян Динхэн долго смотрел на свитки, разложенные на столе, и наконец тяжело выдохнул:

— Решай сам, как с ним поступить.

Цзян Сяо кивнул, но не ушёл. Когда премьер-министр снова склонился над бумагами, он вкрадчиво добавил:

— Господин, боюсь, наша «Ночная сова» тоже скоро не сможет скрываться.

Цзян Динхэн поморщился, словно от резкой боли.

— Тот ребёнок... — вырвалось у него.

— Шесть лет назад, когда в его семье случилась беда, он притащил в столицу больную сестрёнку, надеясь на родичей, а те вышвырнули их в трущобы к нищим, — напомнил Цзян

Сяо. — Если бы вы тогда не протянули руку помощи, его кости давно бы сгнили в сточной канаве.

Цзян Динхэн вспомнил мальчишку с удивительно чистыми, ясными глазами. Его лицо, дочерна загорелое под палящим солнцем, всегда украшала широкая улыбка с ямочками на щеках. Прижимая к себе крошечную девочку, он тогда сказал: «Господин, старики учили: за добро надо платить. Вы спасли нас, и когда-нибудь я верну вам долг в десятикратном размере».

Тогда Цзян Динхэн лишь улыбнулся, приняв это за детскую браваду. Помог устроиться, а со временем и вовсе забыл. И лишь три года назад узнал, что Цзян Сяо превратил того юношу в тайного агента под кодовым именем «Ночная сова».

— Пользуйся тем, что можно использовать, — Цзян Сяо равнодушно вскинул бровь. — Кто же знал, что он попадёт в армию Чжэньюань, в личную гвардию Фань Ло... Странные у него вкусы.

Тайный агент — это как дикий зверь, выпущенный на волю. Его не трогают, пока не настанет крайний срок. Иногда у них годами нет никаких заданий. Цзян Сяо и сам больше года не выходил на связь с Ли Цюанем.

Он холодно закончил:

— Господин, когда тайный агент выходит на свет, он теряет смысл. Пора его сбросить со счёта...

Цзян Динхэн сидел неподвижно, его лицо было непроницаемым. Цзян Сяо хотел было повторить, но его прервал истошный крик за дверью.

— Господин! Господин! Молодой... то есть «молодой господин»! Он снова здесь! — Старый слуга, дежуривший у ворот, влетел в комнату, окончательно растеряв сон.

Цзян Динхэн вздрогнул и вскочил:

— Который час?! Мальчишка совсем страх потерял... Сколько с ним людей из дворца?

— Только страж Чжан. Одишешенек.

Премьер-министр на мгновение застыл, а затем лишь беспомощно покачал головой:

— Этот ребёнок... — Он запахнул халат и поспешил в приёмную залу.

— Господин, — Цзян Сяо шёл следом, вкрадчиво шепча на ухо: — Не время для жалости.

Помните, ради чего вы стоите на страже империи. Ради народа Великой Цзинь. Отрежьте лишнее, господин.

Цзян Динхэн на миг замер, а затем снова пошёл. Он едва заметно взмахнул рукой, словно стряхивая невидимую пыль, и, не проронив ни слова, вышел.

Цзян Сяо остался стоять в тени, глядя ему в след.

Мир вокруг утопал в серой дымке, и даже пятна крови на земле казались чёрными.

Ли Цюань склонился над телом парня, чьи остекленевшие глаза были полны предсмертного изумления. Он хотел было закрыть ему веки, но в последний момент отдернул руку.

— Пусть смотрят, — прошептал он. — Когда предстанешь перед Судьёй, попроси у него на следующую жизнь глаза получше... чтобы людей видеть насквозь.

— Твоё сердце сделано из камня? — Из-за деревьев вышел человек. Белое одеяние, лицо прекрасное, как цветок лотоса, но бледное, словно пергамент. Бай Фэн казался таким хрупким, будто его мог унести любой порыв ветра.

Ли Цюань медленно поднял голову и с горькой усмешкой спросил:

— Неужели тот, кто ест рыбу, вправе называть рыбака жестоким?

Бай Фэн промолчал.

— Если бы не ты, мне не пришлось бы его убивать, — Ли Цюань поднялся с колен.

Бай Фэна затрясло. Он сжал кулаки, выдавив сквозь зубы:

— Зачем?

— Ради Господина. — Ли Цюань выдохнул, глядя на яркую луну. Каждое его слово теперь звучало тяжело, как удар молота. — За добро платят добром. Я костями лягу, но не позволю никому причинить вред этому человеку.

— А как же... как же генерал Фань? — сорвался на крик Бай Фэн.

Ли Цюань ответил ему лишь ледяным безразличием.

Бай Фэн дрожал всем телом. Он смотрел на этого простого солдата. Где тот добродушный малый, который вечно улыбался, демонстрируя ямочки на щеках, и без конца твердил про «своего генерала»?

Кто этот человек перед ним — с застывшим взглядом и руками по локоть в крови?

— Ты... убьёшь меня? — спросил он.

— Нет, я не стану тебя убивать.

Ли Цюань посмотрел на него взглядом ночной совы — хищным и пронзительным, — а затем протянул ему меч. Тяжёлый клинок с клеймом личной гвардии. Меч Сунь Бина.

Бай Фэн тупо уставился на окровавленную сталь. Он помнил, как ловко этот клинок пронзил грудь парня.

Ли Цюань больше не удостоил его даже взглядом. Проходя мимо, он лишь бросил через плечо:

— Дальше решай сам.

И утончённый юноша, который столько лет балансировал над пропастью, не выдержал. Меч выпал из его ослабевших рук, а сам он рухнул на колени. Ли Цюань не стал его убивать, потому что Бай Фэн уже был мертвецом.

— Ли Цюань! — в отчаянии закричал он вслед уходящей тени.

Тот замер.

— Передай Господину! Пусть не смеет забывать о своём обещании! Мой брат... мой маленький брат ждёт меня в весёлом доме! Ему всего двенадцать! Он ещё совсем ребёнок!

Ли Цюань стоял спиной к нему. Лица его не было видно, но голос прозвучал резко, как свист плети:

— Передай ему! Слышишь?! Пусть только попробует забыть! Иначе я, Бай Фэн, даже если моя душа разлетится в прах, вернусь из ада и не дам ему покоя!

Всплеск. Звук стали, входящей в плоть. Тело грузно осело на землю.

Ли Цюань вернулся в лагерь и зашёл в ближайшую конюшню. Лошади, почуяв запах крови, заволновались. Он подошёл к корыту с водой и заглянул в него.

Клинок вошёл чисто, почти не оставив брызг. Одежда чистая. Руки чистые.

Простой солдат долго смотрел на своё отражение в тёмной воде. На глаза, горевшие зловещим, хищным пламенем.

Вдруг он насторожился. Он с детства слышал лучше других. И сейчас, в завывании ветра, ему почудился тихий, едва слышный шёпот, полный невыносимой тоски...

«Господин...»

Этот голос, казалось, обвился вокруг него, не желая отпустить.

— Всплеск! — Ли Цюань ударил по воде, разбивая кровавое отражение. Он закрыл глаза ладонями и зашептал, словно в бреду: — Я Ли Цюань... Ли Цюань из деревни Гума, что в провинции Ичжоу... Я Ли Цюань!

Голос его был хриплым. Он словно пытался убедить в этом самого себя.

— Эй! Кто там? Что за крыса в конюшне прячется?! — раздался сзади громовой окрик.

Ли Цюань испуганно обернулся. В лунном свете, пожёывая соломинку, стоял десятник Чжао Сы со своей вечной наглой ухмылкой.

Ли Цюань оцепенел. Он не мог шевельнуть ни пальцем.

<http://bllate.org/book/17414/1659230>